

ТЕОРИЯ НАСИЛЬСТВЕННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА (ТЕОРИЯ ЗАВОЕВАНИЯ) В СВЕТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2021 г. А. З. Еникеев

Секретариат Государственного собрания – Курултая Республики Башкортостан, г. Уфа

E-mail: enikeev.a@bashkortostan.ru

Поступила в редакцию 05.08.2020 г.

Аннотация. В статье раскрывается теория насильтвенного происхождения государства (теория завоевания) в системе гуманитарных наук, а также данных современных междисциплинарных исследований (в том числе антропологии, археологии, генетики, этологии и др.). Показано, что при дальнейшей разработке методико-теоретической части теория завоевания обладает определенным потенциалом в отношении анализа генезиса государства.

Ключевые слова: генезис государства, теория завоевания, теория насильтвенного происхождения, Ф. Оппенгеймер.

Цитирование: Еникеев А.З. Теория насильтвенного происхождения государства (теория завоевания) в свете междисциплинарных исследований // Государство и право. 2021. № 7. С. 106–114.

DOI: 10.31857/S102694520010812-4

VIOLENCE THEORY OF STATE'S ORIGIN (CONQUEST THEORY) IN THE INTERDISCIPLINARY STUDIES

© 2021 А. З. Еникеев

Secretariat of the State Assembly – Kurultai of the Republic of Bashkortostan, Ufa

E-mail: enikeev.a@bashkortostan.ru

Received 05.08.2020

Abstract. The article reveals the topic of violence theory of the origin of state (theory of conquest) in the human sciences framework, as well as the studies of modern interdisciplinary researches (including anthropology, archeology, genetics, ethology, etc.). It is shown that with the further development of the methodological and theoretical part, the conquest theory has a relevant contribution to the analysis of the state genesis.

Key words: state genesis, conquest theory, violence theory, F. Oppenheimer.

For citation: Enikeev, A.Z. (2021). Violence theory of state's origin (conquest theory) in the interdisciplinary studies // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 106–114.

Теория насильтвенного происхождения государства (теория завоевания) в ее классическом варианте, представленном в трудах Е. Дюринга, Л. Гумпловича, Ф. Оппенгеймера, К. Каутского и др., несмотря на перевод и публикацию ряда авторов еще в Российской

Империи, длительное время не привлекала внимания отечественных исследователей. Собственно, и в зарубежной науке к началу XX в. представление о том, что генезис государства был теснейшим образом связан с процессом завоевания и удержания власти

завоевателей над завоеванным населением, воспринималось в качестве общеизвестного факта, а после середины – конца прошлого столетия данные теории не получили дальнейшего развития. С одной стороны, широкую популярность в западной политической антропологии и социологии получили различные эволюционные концепции. С другой – акцентуация на тематике культуртрегеров-завоевателей в определенной степени оказалась дискредитирована в связи с широкой популярностью теории завоевания в Германии после поражения ее во Второй мировой войне.

Научная критика теории завоевания, как правило, фокусируется на двух направлениях. Во-первых, указывается на недостаточную степень теоретической проработанности концепции. Например, Л.С. Васильев, обращаясь к проблематике, отмечает: «Подобные теории не могли объяснить, откуда и за счет чего возникали те мощные организационные структуры, без которых нет больших армий и войн. Не удивительно, что в последние годы возобладала точка зрения, согласно которой войны и завоевания – не причина, а следствие возникновения надобщинных протогосударственных образований»¹. Во-вторых, даже исследователи творчества классиков теории завоевания указывают, что «в связи с доказательной базой Ф. Оппенгеймера необходимо отметить, что все исторические примеры, приводимые им для подтверждения своей теории, относятся только к случаям контактного взаимодействия различных государственных и негосударственных обществ. То есть все случаи завоевания имеют отношения к так называемой вторичной государственности, вызванной и ускоренной исключительно контактами с соседним государственным обществом. Речь идет либо о завоевании каким-либо существовавшим государством догосударственной ойкумены (привнесение государственности), либо завоевании негосударственным народом и обществом уже состоявшегося государства (заимствование государственности)»². Таким образом, считается, что конкретно-исторический базис теории устарел в свете археологических открытий XX в.

Между тем основоположники теории завоевания изначально основывались на богатом историческом и этнографическом материале, данных психологии, экономики, географии и иных дисциплин. Теория завоевания сформировалась не столько как «кабинетная» доктрина, сколько на анализе доступной фактологии. По признанию Г. Еллинека, «исторически процесс образования государств только в исключительных случаях не сопровождался победой

превосходящей силы, и война была творцом большинства государств...»³. Авторы же теории, опираясь на данные современных на тот момент исторических дисциплин, выражались более категорично: «История не предъявляет нам ни одного примера, где бы государство возникало не при помощи акта насилия. Кроме того, это всегда являлось насилием одного племени над другим, оно выражалось в завоевании и порабощении более сильным чужим племенем более слабого, уже оседлого населения...»⁴.

В целом в том, что касается методологии исследования ранних этапов генезиса государства, можно солидаризироваться с мнением, что решение указанного вопроса «может быть только комплексным – на стыке археологии, этнологии, юридической антропологии, палеоистории, палеолингвистики и др. дисциплин, включая набирающую в последние годы вес археогенетику»⁵. Вместе с тем представляется: теория государства и права способна сохранять самостоятельность в качестве научной дисциплины при обращении к ранним этапам генезиса государства и права, обладая собственным методом познания, научно-терминологическим аппаратом и т.п.

Цель настоящей работы – показать возможности актуализации теоретических основ теории завоевания в свете новых данных междисциплинарных исследований. На наш взгляд, новое прочтение теории завоевания с учетом данных современных антропологии, археологии, генетики, лингвистики, этнологии и других дисциплин способно обогатить отечественную теорию государства и права.

Обращаясь к теории завоевания, прежде всего следует обратить внимание на историко-философский контекст концепции. Теория завоевания была сформирована в противовес идеалистическим концепциям происхождения государства. Характерно, что Г. Еллинек рассматривал проблематику завоеваний в генезисе государств в одном ряду с учением К. Маркса и Ф. Энгельса, а также взглядами Гоббса, Спинозы в качестве «материалистической противоположности теологического учения»⁶. В данном отношении, казалось бы, можно ограничиться пониманием, что если хорошо знакомый отечественному исследователю исторический материализм имеет дело с эндогенными факторами (формирование и борьба классов и т.д.), то теория завоевания – с внешней силой. Однако теория завоевания обладает

³ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 203, 204.

⁴ Гумилович Л. Общее учение о государстве / пер. с нем. СПб., 1910. С 47.

⁵ Шепталин А.А. К вопросу о теоретико-методологических основах реконструкции генезиса права и государства // Государство и право. 2020. № 3. С. 58.

⁶ Еллинек Г. Указ. соч. С. 202.

комплексным характером, она рассматривает также и внутренние факторы – хозяйственно-экономические, психологические, демографические, географические и иные.

Так, А. Вебер, основываясь на археологических, исторических, культурологических данных, в «начальном» периоде всемирной истории выделял два субпериода. В первый субпериод (от начала исторического процесса – приблизительно IV тысячелетие до н.э. до примерно 1200 г. до н.э.) синтез скотоводов-завоевателей и местных земледельцев создал первые области высокой культуры. В целом, по мнению ученого, древние культуры сложились «вследствие организации земледельческого населения самых ранних южных евроазиатских плодородных областей скотоводческими кочевниками в форме государственных объединений»⁷. Однако скотоводы, утвердившись в качестве господствующего слоя, не смогли в данный субпериод качественно изменить характер общества в целом. И лишь с 1200 года до н.э. новые волны кочевников-завоевателей в борьбе и «размежевании с преднайденным хтонизмом приступают во всех больших исторических телах к рассмотрению господствующего в данное время вопроса о смысле существования и тем самым создают повсюду трансцендентальные универсальные религии, философии или установки, существующие еще сегодня, – начиная с даосизма и конфуцианства в Китае, брахманизма и буддизма в Индии до зороастризма, пророческого иудаизма и трагического и философского толкования бытия греками»⁸.

Как видим, второй исторический субпериод первого периода Вебера совпадает по своим характеристикам с Осевым временем К. Ясперса. Ясперс высоко оценивал концепцию Вебера, полагая, что «тезис Вебера обладает известной убедительностью в силу простого казуального объяснения, основанного на характерных жизненных свойствах кочевых народов». По мнению Ясперса, «вторжение кочевых народов из Центра Азии, достигших Китая, Индии и стран Запада (у них великие культуры Древности заимствовали использование лошади), имело... аналогичные последствия во всех трех областях: имея лошадей, эти кочевые народы познали даль мира. Они завоевали государства великих культур Древности. Опасные предприятия и катастрофы помогли им понять хрупкость бытия; в качестве господствующей расы они привнесли в мир героическое и трагическое сознание, которое нашло отражение в эпосе... История превращается в борьбу между этими двумя силами – культурой матриархата, древней, стабильной, связанной, непробудившейся, и новой динамичной,

⁷ Вебер А. Третий или четвертый человек. О смысле исторического существования // Вебер А. Избранное. Кризис европейской культуры. СПб., 1998. С. 306.

⁸ Там же. С. 201.

освобождающей, осознанной в своих тенденциях культурой кочевых народов»⁹.

Таким образом, теорию завоевания в широком смысле необходимо рассматривать в историософском контексте. Первые государства сформировали не просто первые завоеватели, а люди нового типа, создавшие вследствие воздействия определенных детерминант принципиально иной тип мировоззрения, культуры, носители особого мироощущения и психологии.

Характерно, что Ф. Оппенгеймер, рассматривая факторы формирования первых государств, обращается к Ф. Ратцелю, который, раскрывая казус судна, указывает, что «добычание пищи прежде всего могло создавать союзы для общей охоты и еще более для общей рыбной ловли. Последняя представляет большие преимущества дисциплинированных команд, которые на крупных судах выбирают предводителя и повинуются ему безусловно, так как их успех зависит от этого повиновения. Управление кораблем делает затем менее трудным управление государством»¹⁰.

Ф. Оппенгеймер подробно раскрывает, каким образом отдельные формы хозяйствования – скотоводство, а также рыболовство (при переходе рыболовов в стадию «морских кочевников», т.е. регулярном совмещении рыболовства и прибрежных грабежей)¹¹ – формируют в соответствующих обществах элементы государственности.

Скотоводство и рыболовство (при использовании крупных судов) требуют от общины высокой степени дисциплины. Выпас стада, распределение маршрутов и организация стоянок (либо управление судном, как показано выше) предполагают высокую степень организации. Тем самым скотоводы и рыболовы знакомятся с отношениями власти и подчинения.

Результативность рачительного хозяйствования и воздействия случая наглядно проявляется в увеличении поголовья либо улова. Имущественная дифференциация влечет за собой зависимое положение тех членов общины, которые вынуждены обращаться к более состоятельным сообщинникам.

Наконец, скот легко угнать и присоединить к своему стаду, и война становится неотъемлемой частью жизни скотоводческих обществ. В свою

⁹ Ясперс К. Истоки истории и ее цель. М., 1978. С. 67.

¹⁰ Цит. по: Ратцель Ф. Народоведение. СПб., 1904. Т. I. С. 152.

¹¹ Оппенгеймер полагал, что известные «народы моря» применительно к Малой Азии, Европе и Северной Африке в историческом прошлом занимались скотоводством. Имели место и обратные переходы: от рыболовства к скотоводству. Например, относительно населения островов Эгейского моря см.: Trantalidou K. From Mesolithic Fisherman and Bird Hunters to Neolithic Goat herders: The transformation of an island economy in the Aegean // The Cyclops cave on Youra, Alonnessos. V. II. Philadelphia, 2011. P. 49–149.

очередь, рентабельность скотоводства делает выгодным не убийство противников, а обращение в рабство: «Кочевник изобретает рабство, и как первая форма эксплуатации человека человеком оно станет фундаментом, на котором впоследствии возникнет государство»¹².

В дальнейшем (в т.ч. благодаря «служителям культуры») некогда эгалитарное общество стратифицируется. Идеологическое оформление получают состоятельные элиты, полноправные общинники и рабы.

Преимущества молочного и мясного животноводства создают демографическое давление, что в соединении с указанными выше факторами приводит к завоевательным походам скотоводов и началу процесса образования первых государств.

Ф. Оппенгеймер подчеркивает роль воздействия комплекса факторов: «Скотовод постепенно привыкает зарабатывать себе на жизнь при помощи войны, эксплуатируя при этом людей в качестве зависимой рабочей силы. При этом необходимо признать, что весь его образ жизни побуждает его все активнее использовать “политические средства”». В зависимости от конкретных внешних обстоятельств «скотовод легко переходит от мирной к военной деятельности»¹³.

Таким образом, еще в конце XIX – начале XX в. были предложены вполне материалистичные¹⁴ модели формирования «мощных организационных структур», необходимых для осуществления завоевательных походов у скотоводов (а также морских народов). Необходимо отметить, что в эпоху раннего неолита даже десятка, не говоря о сотнях, вооруженных мужчин, обладающих опытом схваток и внутренней дисциплиной, надо полагать, было вполне достаточно для успешных военных действий.

Что касается применимости теории завоевания к конкретно-историческим примерам в отношении «первичных» государств, по всей видимости, следует признать, что на текущем уровне знаний ни одна из концепций не может претендовать на универсализм. Кроме того, вопрос о возникновении «первичного» государства напрямую связан с решением вопроса о разграничении собственно «государства» и предшествующих ему форм общественно-политической организации, т.е. «протогосударства».

¹² Оппенгеймер Ф. Государство: переосмысление / пер с англ. М., 2020. С. 84.

¹³ Там же. С. 87, 89.

¹⁴ Между тем Л.С. Васильев, объясняя особенности скотоводческого общества, апеллирует к теории пассионарности, которую сложно признать материалистичной концепцией: «Я бы сказал даже определенное: именно кочевники прежде всего отличаются тем, что именуется пассионарностью, как то было продемонстрировано арабами, тюрками и монголами, даже африканскими кочевыми племенами... Пассионарность – это определенный заряд жизненной энергии, способность к изменению, к восприятию нового» (см.: Васильев Л.С. Указ. соч. С. 482, 483).

При отказе от универсализма, на наш взгляд, обращение к истории Месопотамии является вполне достаточной проверкой теории завоевания. Двуречье интересно как древнейший центр цивилизации (и тем отвечающий критериям «первичности» по многим аспектам культуры, если не по их большинству).

История уже дошумерских культур дает определенный материал для теории завоевания. Так, Мэллованом, Розом и Линфордом на основе смены поселения халафской культуры после пожара поселением Убейда, а также фиксации двух антропологически различающихся типов населения была предложена модель агрессивного расширения представителей культуры Убайд на север, в регион, занятый поселениями культуры Халаф. Конечно, был представлен и рассматривается целый ряд альтернативных сценариев взаимодействия культур Убайд и Халаф¹⁵. Однако для нас принципиально важным является прежде всего факт гетерогенности населения региона, а следовательно, принципиальной возможности возникновения и развития конфликта по наиболее простой модели «свой – чужой».

Если в ранних и во многом примитивных поселениях Убейда с преимущественно сохраняющим эгалитаризм населением вряд ли можно искать первые государства, то тем более разительный контраст представляет уже Ур IV тыс. до н.э. и аналогичные ему города. Анализируя (исходя из археологических данных) организацию социального пространства, Алгази отмечает, что «бимодальная структура расселения Убейда хорошо коррелирует с протогосударственным уровнем организации (chiefdom-level polities), в то время как мультимодальная структура расселения, которая развивалась в области в течение периода Урука, в свою очередь, хорошо коррелирует с формами пространственной организации, типичными для организаций власти государственного уровня (state-level polities)¹⁶. Несмотря на то что исследователями не достигнут консенсус относительно социально-политической системы ранних шумерских городов (степени централизации, развитости бюрократического аппарата и т.п.)¹⁷, решение вопроса о возникновении

¹⁵ См.: Campbell S., Fletcher A. Questioning the Halaf-Ubaid Transition // Beyond the Ubaid Transformation and integration in the late prehistoric societies of the middle east / ed. by R.A. Carter and G. Philip. Studies in ancient oriental civilization. Illinois, 2010. Vol. 63. P. 69–83.

¹⁶ Algaze G. The end of prehistory and the Uruk period // The Sumerian world / ed. by H. Crawford. L., 2013. P. 72, 73. На наш взгляд, отечественная теория государства и права обладает достаточным терминологическим аппаратом, тем самым механический перенос терминов западной антропологии (чифдом, полития и проч.) представляется излишним.

¹⁷ См.: Ur J.A. Southern Mesopotamia // A Companion to the Archaeology of the Ancient Near East / ed. by D.T. Potts. Malden and Oxford, 2012. P. 538, 539.

шумерского государства во многом определяет проблематику генезиса государства в целом.

Теория завоевания в отношении шумер обладает обширной историографией в рамках проблематики т.н. шумерского вопроса (вопроса о происхождении шумер)¹⁸. Исследователями указывается на иной расовый тип шумер по отношению к предшествующему населению, мифологию (как о прибытии с острова, так и собственно героический эпос, согласно С. Крамеру, характерный для обществ варваров-завоевателей цивилизованного населения), названия древних городов (не этимологизируемых из шумерского языка, а значит, завоеванных), письменность (которая, возможно, изначально была разработана не шумерами), наличие несемитского субстрата в шумерском языке и т.д. Конкретные модели также различны: от прибытия на кораблях из Индии или с берегов Персидского залива, вторжения скотоводческих шумер с прародины в горах Ирана, Анатолии или Прикаспийских степей до оригинальной гипотезы, связанной с усыханием восточного рукава Евфрата около 3300 г. до н.э. и активностью шумер в условиях соответствующего экологического и хозяйственного кризиса, ускоренной урбанизации, сумевших воспользоваться ситуацией и установить свою гегемонию в Двуречье¹⁹.

Р. Глассман, например, прямо указывает, что шумерские племена, которые, судя по изображениям облаченных в овчину богов, изначально являлись скотоводами, завоевали предшествующее земледельческое население Междуречья. При этом, по мнению исследователя, они подобно гомеровским грекам институционализировали народное собрание мужчин-воинов и советы клановых старейшин, а также военного вождя, как древние германцы. Если институт военного вождя постепенно трансформировался через теократическую в бюрократическую монархию, то институты народного собрания и совета старейшин оказались более устойчивы во времени²⁰.

Нельзя полностью исключать и возможность морской гипотезы происхождения шумер. Из древнейших городов шумер только Эриду обладает шумерской этимологией. При этом население города носило смешанный характер (земледельцы, скотоводы и рыбаки). Наконец, Эриду в шумерской идеологии

¹⁸ См., напр.: Whittaker G. The Sumerian question: reviewing the issues // Ethnicity in ancient Mesopotamia. Papers Read at the 48th Rencontre Assyriologique Internationale / ed. by W.H. Van Soldt. Leiden, 1–4 July 2002. Leiden, 2005. P. 409–429.

¹⁹ См., напр.: Soltysiak A. Physical anthropology and the “Sumerian problem” // Studies in Historical Anthropology. 2006. 2004. Vol. 4. P. 145–158.

²⁰ См.: Glassman R.M. The Origins of Democracy in Tribes, City-States and Nation-States. Springer, 2017. P. 306.

позиционировался в качестве «первого города»²¹. В целом в Месопотамии с древности процветало рыболовство²². Таким образом, в качестве завоевателей вполне могли оказаться не шумеры-скотоводы, а шумеры-мореплаватели с соответствующим аналогом реализации «нормандской теории» завоевания ранними шумерами дошумерских поселений Междуречья.

Данные одного из перспективнейших направлений исторического знания – археологической генетики – также свидетельствуют скорее в пользу теории завоевания, чем консенсуальных и экономических концепций. Прежде всего речь идет о большей значимости массовых миграций в начале периода неолита. Так, согласно современным данным, население Европы (наиболее исследованного региона в отношении генетического анализа древних ДНК, полученных из археологических материалов) претерпело существенные изменения в связи с миграциями ранних фермеров (ранних скотоводов и земледельцев) из Анатолии в VII–V тыс. до н.э., а степные миграции III тыс. до н.э. вновь кардинально изменили и генетический и культурный облик Европы, будучи, по всей видимости, связанными с распространением индоевропейских языков²³.

При этом, как показал анализ находок останков девяти человек из пещеры Эльс-Трокс в Испании, указанные миграции носили отнюдь не мирный характер. В период около 5300 лет до н.э. родственная группа пастухов, вероятно занимавшаяся выпасом стада на отдаленных пастбищах, состоявшая из пяти человек пожилого возраста и четверых детей от трех до семи лет, была жестоко убита: вначале поражены стрелами, а затем добиты ударами в голову. К аналогичному периоду относится и наскальная живопись в Испании, в которой изображаются группы противостоящих друг другу лучников, например сцена сражения в скалистом убежище Ле Дог (Арес-дель-Маэстре, Кастельон, Испания)²⁴.

Таким образом, можно прийти к выводу, что современные научные данные как минимум не противоречат представлениям исследователей конца

²¹ Однако гипотеза об Эриду как «первом городе» шумер была подвергнута критике (см.: Espak P. Was Eridu The First City in Sumerian Mythology? // Studia Orientalia Tartuensia. 2015. Vol. VI. P. 53–70).

²² См.: Jawad L.A. Fishing Gear and Methods of the Lower Mesopotamian Plain with Reference to Fishing Management // Marina Mesopotamica Online. 2006. Vol. 1. No. 1. P. 4.

²³ См.: Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe / W. Haak, I. Lazaridis, N. Patterson et al. // Nature. 2015. No. 522. P. 207–211. URL: <https://doi.org/10.1038/nature14317>

²⁴ См.: A massacre of early Neolithic farmers in the high Pyrenees at Els Trocs, Spain / K.W. Alt, C.T. Rodríguez, N. Nicklisch et al. // Sci Rep. 10. 2020. No. 2131. URL: <https://doi.org/10.1038/s41598-020-58483-9>

XIX – начала XX в. в отношении роли миграций и захватов в формировании облика ойкумены вначале в связи с распространением неолита, а затем и эпохи бронзы.

Вместе с тем, безусловно, теория завоевания нуждается в ревизии и обновлении научно-методологического аппарата. Так, Р.Л. Карнейро, обращаясь к теории завоевания, отмечает, что «хотя мы и можем обозначить войну в качестве механизма образования государства, нам также необходимо выделить условия, при которых она дает начало государству»²⁵. Исследователь предлагает «теорию ограниченности» для объяснения условий запуска механизма политической эволюции. Ограничения, согласно Р.Л. Карнейро, могут носить географическо-средовой (долины Нила, Тигра и Евфрата, Инда, Мехико, горные и прибрежные долины Перу), ресурсный (Амазония, побережье Перу) либо социальный характер (долина Хуанхэ, долина Петен майя).

Суть теории заключается в том, что при высокой концентрации ресурсов (высокоплодородных сельскохозяйственных земель, мест рыбной ловли или др.) в ограниченном географическом пространстве либо высокой плотности населения в «ядре» расселения отдельные общины неизбежно приступают к военной фазе конкуренции, тем самым запуская механизм политической эволюции²⁶.

Предложение Р.Л. Карнейро можно усилить данными этологии. Согласно исследованиям социальные взаимодействия в группах высших приматов могут демонстрировать как «демократические», так и «деспотические» модели. Однако при наличии ценного, но конечного ресурса (пищи) лидеры групп (т.н. альфа-самцы) с большой вероятностью будут навязывать группе поведение не столь выгодное членам группы, но приносящее наибольшую пользу собственно лидеру. При этом математический анализ показал, что следование за лидером, даже в ущерб собственным интересам, находится в зависимости от социальных связей лидера и его «последователей»²⁸.

Таким образом, наличие концентрированного ресурса провоцирует образование эффекта «царя горы», т.е. ситуацию, когда лидер иерархии получает

²⁵ Карнейро Р.Л. Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сб. ст. / под ред. Л. Е. Гринина, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева. Волгоград, 2006. С. 59.

²⁶ См.: там же. С. 59–67.

²⁷ Shared decision-making drives collective movement in wild baboons / A. Strandburg-Peshkin, D. R. Farine, I. D. Couzin and M. C. Crofoot // Science. 2015. Vol. 348. P. 1358–1361. URL: <https://science.sciencemag.org/content/348/6241/1358.full>

²⁸ Dominance and affiliation mediate despotism in a social primate / A. J. King, C. M. S. Douglas, E. Huchard et al. // Current Biology. 2008. Vol. 18. P. 1833–1838. URL: <https://doi.org/10.1016/j.cub.2008.10.048>

сверхнормативный доход по отношению к иным членам группы, ситуацию, выступающую мощнейшим стимулом для действий лидеров по ее преимущественному использованию во главе групп с более высоким качеством социальных связей «лидер» — «член группы» (менее организованные группы распадаются из-за нежелания части членов следовать лидеру вопреки собственным интересам).

Следующее направление развития теории видится в комплексном социально-культурном анализе условий механизма «завоевания». Можно генерализовать, что основное условие — разница потенциалов милитаризации, что и является определяющей предпосылкой возможности завоевания.

Если в отношении собственности технической вооруженности картина представляется понятной и она выражается в естественной демилитаризации земледельческих общин после исчерпания экономической целесообразности занятия мужчинами дополнительно охотой, то в отношении социальной структуры палеополитического и переходного в неолит общества проблематика остается дискуссионной.

Следует отметить, что чрезмерная биологизация и прямая аналогия между социальной организацией высших приматов, иных социальных животных и человеком является упрощением. Очевидно, что палеополитическое общество было существенно (принципиально) сложнее, чем наблюдаемые модели социальной организации общественных животных, вследствие длительного воздействия механизмов эволюции на предлюдей до формирования человека современного типа (*Homo sapiens*) в условиях наличия у предковых видов культуры, речи и т.п. (история орудийной деятельности насчитывает 2–6 млн лет)²⁹. Безусловно, материалы этологии (и сравнительной психологии) возможно и необходимо привлекать, но с учетом указанного обстоятельства.

В отечественной науке традиционно в качестве одного из древнейших механизмов социализации рассматриваются родственные отношения и их регулирование³⁰. Вместе с тем необходимо разделять понятия родовой организации (при наличии вопроса о степени распространения в палеолите – неолите экзогамных родов)³¹ и развитой патриархально-клано-

²⁹ См. подр.: *Read D.W. How Culture Makes Us Human: Primate Social Evolution and the Formation of Human Societies*. NY, 2016.

³⁰ Развитие идей З. Фрейда и К. Леви-Стросса применительно к генезису государства см. подр.: *Васильев Л. С. Указ. соч. С. 50, 51; Бутенко А. П. Государство: его вчерашние и сегодняшние трактовки // Государство и право. 1993. № 7. С. 16.*

³¹ Данные ДНК-исследования Чатал-Гююка, в принципе, могут быть истолкованы в пользу экзогамии, поскольку не обнаружено родство материнских линий. Вместе с тем, по мнению авторов исследования, объяснение может заключаться в том, что имело место специальное захоронение некровнородственных жителей либо в популяции изначально имела

вой (родоплеменной) системы, которая представляет инновацию, связанную со второй гендерной революцией и установлением патролинейности родства.

Важно, что современные междисциплинарные исследования показывают возможную связь высокой конфликтности в поздненеолитическом обществе именно с образованием и широким распространением патриархальных (патролинейных) кланов³².

В отношении же системы родства наука проделала колоссальный путь со времен Л.Г. Моргана, накопив и проанализировав огромный массив этнографических данных, сформировав собственный понятийный аппарат и методы исследования феномена родства³³. В рамках изучения генезиса государства интересна реконструкция организации ранних обществ, исходя из постулируемых им систем родства. Исследователи систем родства отмечают, что «первобытный человек представляет родство в пространственных образах принадлежности индивидов к локальным группам, находящимся на различном расстоянии от локальной группы этого». Более того, «системы родства состоят не в фиксации объективных родственных связей, и развиваются они произвольно, в сознании людей, а не спонтанно как нечто существующее независимо от них подобно природным или, что в данном случае одно и то же, лингвистическим явлениям. Трансформация классификационных систем родства – это как раз тот случай, когда структура осознается агентом социального действия, поскольку структура родства – это локальная или тотемическая организация»³⁴.

место высокая вариабельность материнских линий (см.: Ancient Mitochondrial Genomes Reveal the Absence of Maternal Kinship in the Burials of Çatalhöyük People and Their Genetic Affinities / M. Chyleński, E. Ehler, M. Somel et al. // Genes. 2019. No. 10 (3), 207. URL: <https://doi.org/10.3390/genes10030207>).

³² А.А. Шепталин указывает, что «недавние открытия в археогенетике подтвердили предположения о высокой степени конфликтности и насилия в поздненеолитическом обществе, пик которых совпал с началом процесса перехода от родовой социально-политической организации к иным механизмам, способствовавшим становлению региональных политий, вождеств, а затем и ранних государств», со ссылкой на работу Т. Цзэна, А. Оу, М. Фельдмана. Вместе с тем авторы (помимо поддержки теории завоевания) со ссылкой на антропологов прямо связывают резкое падение разнообразия мужских генетический линий с распространением патролинейных кланов (как структур «средней сложности») в качестве основной формы организации общества. После образования же протогосударств и государств генетическое разнообразие Y-хромосомы начинает восстанавливаться (см.: Шепталин А.А. Указ. соч. С. 66; Zeng T. Ch., Aw A.J., Feldman M.W. Cultural hitchhiking and competition between patrilineal kin groups explain the post-Neolithic Y-chromosome bottleneck // Nature Communications. 2018. No. 9. 2077 (2018). URL: <https://doi.org/10.1038/s41467-018-04375-6>).

³³ См. подр.: Дзибель Г.В. Феномен родства. Пролегомены к иденетической теории. СПб., 2001.

³⁴ Белков П.Л. Классификационные системы родства: принцип построения локального пространства // Вестник СПбУ. 2009. Сер. 2. Вып. 3. С. 118, 120.

Следовательно, генезис патриархальных кланов как организационной структуры, обладающей потенциалом по принятию деятельного участия в возникновении государства, приходится фактически на период собственно государствообразования, а не является уже ранее предшествующей данностью. К тому же более раннее образование патриархальных кланов у скотоводов (вследствие необходимости максимизации внутренней организованности) являлось условием для формирования разницы милитаризации между локальными общинами земледельцев и ранними патриархальными кланами скотоводов.

* * *

Таким образом, теория завоевания в свете междисциплинарных исследований, в том числе новых, обладает интерпретационными возможностями в отношении данных, предоставленных соответствующими отраслями знания. Можно согласиться с резюмирующими выводами М.Н. Марченко, отмечающего, что при известных недостатках и порой жесткой критике «теория насилия является не только данью прошлому, но и составной частью академического потенциала настоящего»³⁵. На наш взгляд, при отказе от стремления к универсальности и проработке теоретико-методологической части возвращение интереса к теории завоевания способствует развитию широкой и дискуссионной проблематики генезиса государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белков П.Л. Классификационные системы родства: принцип построения локального пространства // Вестник СПбУ. 2009. Сер. 2. Вып. 3. С. 118, 120.
2. Бутенко А.П. Государство: его вчерашние и сегодняшние трактовки // Государство и право. 1993. № 7. С. 16.
3. Васильев Л.С. История Востока: учеб. по спец. «История»: в 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 50, 51, 61, 482, 483.
4. Вебер А. Третий или четвертый человек. О смысле исторического существования // Вебер А. Избранное. Кризис европейской культуры. СПб., 1998. С. 201, 306.
5. Гумилович Л. Общее учение о государстве / пер. с нем. СПб., 1910. С 47.
6. Дзибель Г.В. Феномен родства. Пролегомены к иденетической теории. СПб., 2001.
7. Елинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 202–204.

³⁵ Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: учеб. М., 2015. С. 120.

8. Карнейро Р.Л. Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сб. ст. / под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград, 2006. С. 59–67.
9. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: учеб. М., 2015. С. 120.
10. Нагих С.И. Франц Оппенгеймер о происхождении государства и его критика договорной теории происхождения государства и естественного права // Пробелы в росс. законодательстве. 2013. № 6. С. 59.
11. Оппенгеймер Ф. Государство: переосмысление / пер с англ. М., 2020. С. 84, 87, 89.
12. Ратцель Ф. Народоведение. СПб., 1904. Т. I. С. 152.
13. Шепталин А.А. К вопросу о теоретико-методологических основах реконструкции генезиса права и государства // Государство и право. 2020. № 3. С. 58, 66.
14. Ясперс К. Истоки истории и ее цель. М., 1978. С. 67.
15. A massacre of early Neolithic farmers in the high Pyrenees at Els Trocs, Spain / K.W. Alt, C.T. Rodríguez, N. Nicklisch et al. // Sci Rep. 10. 2020. No. 2131. URL: <https://doi.org/10.1038/s41598-020-58483-9>
16. Algaze G. The end of prehistory and the Uruk period // The Sumerian world / ed. by H. Crawford. L., 2013. P. 72, 73.
17. Ancient Mitochondrial Genomes Reveal the Absence of Maternal Kinship in the Burials of Çatalhöyük People and Their Genetic Affinities / M. Chyleński, E. Ehler, M. Somel et al. // Genes. 2019. No. 10 (3), 207. URL: <https://doi.org/10.3390/genes10030207>
18. Campbell S., Fletcher A. Questioning the Halaf-Ubaid Transition // Beyond the Ubaid Transformation and integration in the late prehistoric societies of the middle east / ed. by R.A. Carter and G. Philip. Studies in ancient oriental civilization. Illinois, 2010. Vol. 63. P. 69–83.
19. Dominance and affiliation mediate despotism in a social primate / A.J. King, C.M.S. Douglas, E. Huchard et al. // Current Biology. 2008. Vol. 18. P. 1833–1838. URL: <https://doi.org/10.1016/j.cub.2008.10.048>
20. Espak P. Was Eridu The First City in Sumerian Mythology? // Studia Orientalia Tartuensia. 2015. Vol. VI. P. 53–70.
21. Glassman R.M. The Origins of Democracy in Tribes, City-States and Nation-States. Springer, 2017. P. 306.
22. Jawad L.A. Fishing Gear and Methods of the Lower Mesopotamian Plain with Reference to Fishing Management // Marina Mesopotamica Online. 2006. Vol. 1. No. 1. P. 4.
23. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe / W. Haak, I. Lazaridis, N. Patterson et al. // Nature. 2015. No. 522. P. 207–211. URL: <https://doi.org/10.1038/nature14317>
24. Read D.W. How Culture Makes Us Human: Primate Social Evolution and the Formation of Human Societies. NY, 2016.
25. Shared decision-making drives collective movement in wild baboons / A. Strandburg-Peshkin, D.R. Farine, I.D. Couzin and M.C. Crofoot // Science. 2015. Vol. 348. P. 1358–1361. URL: <https://science.sciencemag.org/content/348/6241/1358.full>
26. Soltysiak A. Physical anthropology and the «Sumerian problem» // Studies in Historical Anthropology. 2006. 2004. Vol. 4. P. 145–158.
27. Trantalidou K. From Mesolithic Fisherman and Bird Hunters to Neolithic Goat herders: The transformation of an island economy in the Aegean // The Cyclops cave on Youra, Alonnessos. V. II. Philadelphia, 2011. P. 49–149.
28. Ur J.A. Southern Mesopotamia // A Companion to the Archaeology of the Ancient Near East / ed. by D.T. Potts. Malden and Oxford, 2012. P. 538, 539.
29. Whittaker G. The Sumerian question: reviewing the issues // Ethnicity in ancient Mesopotamia. Papers Read at the 48th Rencontre Assyriologique Internationale / ed. by W.H. Van Soldt. Leiden, 1–4 July 2002. Leiden, 2005. P. 409–429.
30. Zeng T. Ch., Aw A.J., Feldman M. W. Cultural hitchhiking and competition between patrilineal kin groups explain the post-Neolithic Y-chromosome bottleneck // Nature Communications. 2018. No. 9. 2077 (2018). URL: <https://doi.org/10.1038/s41467-018-04375-6>.

REFERENCES

1. Belkov P.L. Classification systems of kinship: the principle of constructing a local space // Herald of SPbU. 2009. Ser. 2. Issue 3. P. 118, 120 (in Russ.).
2. Butenko A.P. The state: its yesterday and today's interpretations // State and Law. 1993. No. 7. P. 16 (in Russ.).
3. Vasiliev L.S. History of the East: textbook. according to spec. “History”: in 2 vols. М., 1998. Vol. 1. P. 50, 51, 61, 482, 483 (in Russ.).
4. Weber A. The third or fourth person. About the meaning of historical existence // Weber A. Favorites. The crisis of European culture. SPb., 1998. P. 201, 306 (in Russ.).
5. Gumplovich L. The general doctrine of the state / transl. from German. SPb., 1910. P. 47 (in Russ.).
6. Dzibel G.V. The phenomenon of kinship. Prolegomena to the idenetic theory. SPb., 2001 (in Russ.).

7. *Jellinek G.* The General doctrine of the state. SPb., 2004. P. 202–204 (in Russ.).
8. *Carneiro R. L.* The theory of the origin of the state // The early state, its alternatives and analogues: collection of articles / ed. by L. E. Grinin, D. M. Bondarenko, N. N. Kradin, A. V. Korotaev. Volgograd, 2006. P. 59–67 (in Russ.).
9. *Marchenko M. N.* Problems of the theory of state and law: textbook. M., 2015. P. 120 (in Russ.).
10. *Nagikh S. I.* Franz Oppenheimer on the origin of the state and its criticism of the contractual theory of the origin of the state and natural law // Gaps in Russ. legislation. 2013. No. 6. P. 59 (in Russ.).
11. *Oppenheimer F.* The state: reinterpretation / transl. from English. M., 2020. P. 84, 87, 89 (in Russ.).
12. *Ratzel F.* Ethnology. SPb., 1904. Vol. I. P. 152 (in Russ.).
13. *Sheptalin A. A.* On the question of the theoretical and methodological foundations of the reconstruction of the genesis of law and the state // State and Law. 2020. No. 3. P. 58, 66 (in Russ.).
14. *Jaspers K.* The origins of history and its purpose. M., 1978. P. 67 (in Russ.).
15. A massacre of early Neolithic farmers in the high Pyrenees at Els Trocs, Spain / *K. W. Alt, C. T. Rodriguez, N. Nicklisch et al.* // Sci Rep. 10. 2020. No. 2131. URL: <https://doi.org/10.1038/s41598-020-58483-9>
16. *Algaze G.* The end of prehistory and the Uruk period // The Sumerian world / ed. by H. Crawford. L., 2013. P. 72, 73.
17. Ancient Mitochondrial Genomes Reveal the Absence of Maternal Kinship in the Burials of Çatalhöyük People and Their Genetic Affinities / *M. Chyleński, E. Ehler, M. Somel et al.* // Genes. 2019. No. 10 (3), 207. URL: <https://doi.org/10.3390/genes10030207>
18. *Campbell S., Fletcher A.* Questioning the Halaf-Ubaid Transition // Beyond the Ubaid Transformation and integration in the late prehistoric societies of the middle east / ed. by R.A. Carter and G. Philip. Studies in ancient oriental civilization. Illinois, 2010. Vol. 63. P. 69–83.
19. Dominance and affiliation mediate despotism in a social primate / *A.J. King, C.M.S. Douglas, E. Huchard et al.* // Current Biology. 2008. Vol. 18. P. 1833–1838. URL: <https://doi.org/10.1016/j.cub.2008.10.048>
20. *Espak P.* Was Eridu The First City in Sumerian Mythology? // Studia Orientalia Tartuensia. 2015. Vol. VI. P. 53–70.
21. *Glassman R. M.* The Origins of Democracy in Tribes, City-States and Nation-States. Springer, 2017. P. 306.
22. *Jawad L. A.* Fishing Gear and Methods of the Lower Mesopotamian Plain with Reference to Fishing Management // Marina Mesopotamica Online. 2006. Vol. 1. No. 1. P. 4.
23. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe / *W. Haak, I. Lazaridis, N. Patterson et al.* // Nature. 2015. No. 522. P. 207–211. URL: <https://doi.org/10.1038/nature14317>
24. *Read D. W.* How Culture Makes Us Human: Primate Social Evolution and the Formation of Human Societies. NY, 2016.
25. Shared decision-making drives collective movement in wild baboons / *A. Strandburg-Peshkin, D. R. Farine, I. D. Couzin and M. C. Crofoot* // Science. 2015. Vol. 348. P. 1358–1361. URL: <https://science.sciencemag.org/content/348/6241/1358.full>
26. *Soltysiak A.* Physical anthropology and the “Sumerian problem” // Studies in Historical Anthropology. 2006. 2004. Vol. 4. P. 145–158.
27. *Trantalidou K.* From Mesolithic Fisherman and Bird Hunters to Neolithic Goat herders: The transformation of an island economy in the Aegean // The Cyclops cave on Youra, Alonnessos. V. II. Philadelphia, 2011. P. 49–149.
28. *Ur J. A.* Southern Mesopotamia // A Companion to the Archaeology of the Ancient Near East / ed. by D.T. Potts. Malden and Oxford, 2012. P. 538, 539.
29. *Whittaker G.* The Sumerian question: reviewing the issues // Ethnicity in ancient Mesopotamia. Papers Read at the 48th Rencontre Assyriologique Internationale / ed. by W.H. Van Soldt. Leiden, 1–4 July 2002. Leiden, 2005. P. 409–429.
30. *Zeng T. Ch., Aw A. J., Feldman M. W.* Cultural hitchhiking and competition between patrilineal kin groups explain the post-Neolithic Y-chromosome bottleneck // Nature Communications. 2018. No. 9. 2077 (2018). URL: <https://doi.org/10.1038/s41467-018-04375-6>.

Сведения об авторе

ЕНИКЕЕВ Арсен Зуфарович –
кандидат юридических наук, заместитель
Руководителя Секретариата Государственного
собрания – Курултая Республики
Башкортостан; 450008 Республика
Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 46

Authors' information

ЕНИКЕЕВ Арсен З. –
PhD in Law, Deputy Head of the Secretariat
of the State Assembly - Kurultai of the Republic of
Bashkortostan; 450008 Republic of Bashkortostan,
Ufa, 46 Zaki Validi str., 450008 Ufa,
Republic of Bashkortostan